

ПРОЛОГ

Ночью мне приснилась крыса. Нахальное серое существо с глазками-бусинками. Она смотрела на меня из дырки в полу, и её усики-ниточки хищно подрагивали. Точный знак, что днём будут неприятности, точный.

ПРОЛОГ, ПОСТСКРИПТУМ

Я полежал немного, ожидая ухода липкой оторопи. Поёживаясь, вытолкнул себя из-под тёплого одеяла в прохладу комнаты, сунул руки в рукава халата, ноги – в войлочные туфли и прошлёпал в кабинет.

Сквозь незашторенные окна виднелось хмурое бесцветное небо, роняющее вялые дождевые капли. Зябко, сумрачно. Холодный камин безмолвно кричит что-то круглой каменной пастью. В ней – пара обугленных поленьев и горка остывшего пепла. Если повезёт, то там, в глубине этой горки можно отыскать живые ещё угольки и раздуть огонь. Тогда не придётся вынимать обе

руки из нагретых карманов и долбить кресалом по кремню. Я разворошил золу. Есть! Тускло мигнули две красные точки. Положив на них ком сухого мха и охапку коротко нарубленных веток, я уселся за свой письменный стол и, наблюдая за растущим столбиком дыма, принялся ждать обещанных неприятностей.

На столе белел раскрытый дневник. Я взял перо, соскоблил с него ломкую плёнку засохших чернил, ткнул в чернильницу и вывел: «*Бристоль*». Потом сегодняшнее число: «*Пятое сентября 1777 года*».

Счастливым был год для меня. Три семёрки... А вот день будет с нехорошим сюрпризом, уж точно.

Внизу, под расположенным в мансарде кабинетом, понемногу просыпался мой дом. Мэри Бигль, вдова Уолтера Бигля, воцарилась на кухне, и моего лица достигли ниточки аромата свежего кофе. В коридорах послышалось короткое, невнятное слово, и звук этого голоса заставил замереть моё сердце. Из ванной донеслись жестяной стук таза, плеск воды и попискивание: встали дети – Алис, Уильям и Мартин. Прозвенел колокольчик – пришёл угольщик. Снова послышался голос Эвелин. Негромкий утренний рокоток в столовой. Раскрылась дверь (я услышал, как на улице по булыжнику прогрохотали колёса чьей-то повозки) – захлопнулась дверь: дети умчались по своим важным делам. Тишина. Сладкий плен одиночества.

Так заведено: пока я в кабинете, меня не потревожат, никто и ничем. Разве вот это единственное – негромкий стук в дверь. Я встал из-за стола. Подошёл к камину, положил в расплясавшийся огонь сосновых полешек. Вдоль стены, заставленной шкафами с книгами, прошёл к двери, открыл её. За ней у лестничных перил притаился столик на колёсиках. Чашечка кофе исходит горячим паром. На овальном блюде – полоски сыра, жёлтый кубик масла, несколько маслин, варёные креветки, ветчина, листья салата в крупных каплях воды, долька лимона.

Тарелка с поджаренными белыми хлебцами. Кружка пи-ва. Судок с красным соусом. Салфетка из отбеленного хлопка. Нож. Вилка.

Что ж, если ожидать от жизни обещанных сном не-приятностей, так с комфортом. Я вкатил столик в каби-нет, запер дверь, опустил ключ в карман, подложил в ка-мин толстую чурку, сел завтракать.

И вот, кажется, началось! Быстрый топоток на лест-нице, осторожная возня у двери. В замочную скважину вставляется ключ, хрустят и щёлкают пружинки в замке, открывается дверь. Это мой младшенький, шестилетний Мартин. Кроме меня, только у него имеется ключ, но и ему разрешено входить сюда лишь в исключительных случаях. Если читающий эти строки не очень болтлив, то я признаюсь: Мартин прибегает сюда плакать.

Он входит, человечек с большой круглой головой и тонкими ножками, притворяет дверь, отворачивается к книгам. Следуя негласному уговору, я молча выхожу из кабинета. Проходя мимо, успеваю заметить ссадину на локте, краснеющую сквозь порванный рукав, вспух-шую губу и добротный, полновесный синяк.

Внизу меня встречают любовь и тепло. Эвелин, моя милая жена, подходит сказать мне «доброе утро» и на-полняет мир теплом своих рук, ароматом волос и светом улыбки. Миссис Бигль, низенькая круглая старушка, спешит получить мои уверения, что завтрак был пре-красен. Восемилетний Уильям, наш с Эвелин первенец, степенно подаёт мне руку (а кожа-то на костяшках пальцев содрана!). Алис, любимица, маленькая лиса, чи-стюля, умница, вцепившись ручками в мой пояс, прини-мается подпрыгивать, стуча деревянными башмачками, задрав ко мне свою очаровательную мордашку.

Все рады друг другу, все счастливы – казалось бы, всё хорошо! Но я-то понимаю, что идиллия призрачна. Дети находятся дома, хотя обычно в это время их ничем

не заманишь с улицы. У Эвелин тень заботы в глазах. Да и крыса просто так не приснится.

— Давайте-ка, — произнёс я, — перестанем делать вид, что ничего не произошло. Давайте устроим семейный совет, прямо сейчас.

— В кабинете? — мгновенно откликнулась Алис, отводя вспыхнувшие глазки, на личике (лиса, лиса!) — томное безразличие.

— Что ж, если дело стоит того...

Не дав мне договорить, дети наперегонки припустили вверх по лестнице.

Объяснение было недолгим, а причина несчастий — проста и понятна. Пока Мартин, маленький боец, замазывал жгучим бальзамом («Я сам, мамочка!») ссадину на локте, Алис, как самый осведомлённый в уличных делах человек, выложила всё.

— Это соседские мальчишки! Они кричали, что у нас папа — пират, напал в море на корабли и грабил. Больше всех кричали Билли и Джейкоб, а Уильям и Мартин им бац! Бац! — Она умолкла, быстро взглянула на братьев и потухшим голосом продолжила:

— А им тоже — бац, бац...

— Почему же пират-то? — вслух удивился я.

— А они кричали, что их папы говорили, что мастер Лей ушёл в море бедным, совсем бедным. А пришёл с моря самым богатым. Так только пираты могут быстро награть денег. На какие, кричат, деньги, Томас Лей купил имение Шёрвуд?

(Это моё «Лей» вы на любой язык переведёте как «простак».)

— И оружие, — сдержанно вздохнул Мартин.

— Какое оружие? — удивился я.

— Вот это! — Пальчик Алис устремился к стене. — Ружья, пистолеты и сабли.

— Отец Джейкоба говорил, что так много оружия бывает только у гнусных пиратов, — пояснил Уильям.

— Но я же рассказывал вам, откуда это оружие! И про Белый остров рассказывал, и про пушки из-под воды, и про жемчуг и золото!

— И мы Билли и Джейкобу рассказывали, — снова вздохнул Мартин. — Но они нам не верят.

Вот здесь-то мне и пришла в голову эта мысль. Я принял невероятное для себя решение и, даже не размышляя, сообщил о нём своему семейству.

— Они поверят, — твёрдо пообещал я. — И не только они, а все, кто нас знал или когда-нибудь будет знать. А если кто-то вдруг скажет, что вы — дети пирата, над ним все станут смеяться.

— Как ты это сделаешь? — немедленно поинтересовалась Алис.

— Самым лучшим способом на свете, — улыбнулся я ей. — Я напишу книгу.

Глава I

ГЛИНЯНЫЙ МАСТЕР

Слово дано. Но легко сказать — написать книгу! Не имея представления о предмете, не зная литературных основ... Авантюра! Ведь литературство лишь на первый взгляд дело лёгкое. Я припоминаю: там существуют таинственные и суровые законы и правила. Сюжеты, метафоры, персонажи. А ещё вот это, похожее на хищный и жадный рот нелепое словцо «жанр». В каком жанре я собираюсь писать? А какие мне вообще известны? Да никакие.

Никакие. Но вот я, когда-то бедный матрос, а ныне — состоятельный англичанин, имеющий весомый дворянский титул, семейными обстоятельствами принуждён стать литератором.

Мне довелось попасть в приключения, во время которых я нашёл бесценный клад, обрёл друзей и встретил врагов, и теперь я взялся описывать эти приключения, прекрасно осознавая, что я лишь в очень малой степени — писатель и в гораздо большей — авантюрист и дилетант.

НЕБОЛЬШАЯ РЕМАРКА

для моих детей Уильяма, Мартина, Алис,
а также для их друзей и приятелей.

Уважаемые юные господа! Сегодня, войдя в кабинет, я оказался весьма озадаченным. За моим столом, разложив перед собой первые листы моей рукописи, восседали Уильям и Мартин. Лица их были серьёзны, а взгляды, которыми они меня встретили, достаточно строгими, даже, можно сказать, неодобрительными. Казалось, они вовсе не были смущены тем, что без меня они вошли *в кабинет!* Я понял: что-то будет.

— Папа Том, — без предисловий и самым серьёзным тоном заявил маленький Мартин. — Нам это здесь непонятно!

— Что именно? — поинтересовался я, подходя к столу и стараясь придать себе беззаботный и лёгкий вид.

— Видишь ли, любезный отец, — неторопливо переложил с места на место исписанные листы Уильям. — Что такое кремень и кресало — известно каждому. Ими высекают огонь. Но вот ты написал слова: авантюрист и дилетант. Я, как ты понимаешь, могу взять с полки словарь и прочитывать в нём, что они означают. Но у Билли и Джейкоба словарей дома нет. Это точно. Как же они тогда поймут?

— Джентльмены! — Я вскинул обе ладони вверх. — Проблема ясна. Спешу вам сообщить, что авантюрой называют трудное рискованное предприятие. Настолько трудное и рискованное, что оно считается заранее обречённым на провал. Соответственно, человека, пускающегося в такое предприятие, называют «авантюрист». А «дилетантом» называют человека, который берётся за некое предприятие, не имея достаточной подготовки. Новичка, любителя. Но дело не в этом. Я, благодаря вашему своевременному замечанию, вижу, что не подумал о незнакомых для читателей словах. Поэтому, любезные

дети, прошу вас помочь мне. Я приглашаю вас приходить сюда каждое утро и прочитывать то, что я написал за ночь. Если вдруг вам встретится непонятное слово, возьмите перо, чернила, — может быть, даже цветные чернила, зелёные или красные, — и это слово подчеркните. Обещаю, что такие слова я стану помечать значком *, похожим на маленькую снежинку, и внизу страницы давать им подробное объяснение. Проблема решена? Хорошо. Вы очень мне помогли. Большое спасибо.

Билли и Джейкоб! Спешу выразить свою благодарность и вам.

У ДЯДИ ДЖО

Я, Томас Локк Лей, родился двадцатого декабря тысяча семьсот сорок четвёртого года.

Рос я в семье своего дядьки, фермера Джонатана Лея, дважды женатого и имевшего от двух браков шестерых детей. Родителей своих, Локков, я не знал и не помнил, со стороны же окружавших меня людей сведения о них были весьма скудны. Всё сводилось к тому, что корабль, на котором они плыли, не пришёл в порт.

Первая жена Джонатана, миссис Молли Лей, называла меня «сироткой» и не сказала, чтобы баловала, но с какой-то скрытой теплотой выделяла среди троих своих детей. Она умерла, когда мне было пять лет.

Вторая жена моего дядьки, Бэсси, была молода и милостива. Джонатан взял её из очень бедной семьи, хорошо знавшей, что такое нужда и голод, так что Бэсси весьма рачительно вела хозяйство. На мой взгляд, она была просто скупа и прижимиста, но в глазах Джонатана, однако, это являлось достоинством, поскольку сам он был в известной степени любитель повеселиться в дружной компании. Детей Бэсси делила на «Моллиных» (включая меня) и «своих».

Соседи наши, как и все мелкие собственники земли — йомены*, имели две возможности: или увеличить свои владения и выжить, или разориться, продать землю и сделаться наёмными работниками. Джонатан, на моё счастье, относился к первым. Он был обжора и весельчак, с этим не спорю, а с возрастом и вовсе заделался важничающим баринком, но ко всему тому он имел рациональный ум, смекалку, и — очень любил крестьянский

---

* Йомен — небогатый крестьянин.

труд, очень. У него всегда лежали денежки про запас и, как только кто-то из йоменов смирился с неизбежностью утратить землю, он был тут как тут.

Всё началось зимой тысяча семьсот пятьдесят девятого года, когда мне исполнилось пятнадцать лет. Наш дальний сосед, Джек Бэзли, готовил к продаже большой участок земли. У Джонатана в случае приобретения этой земли было бы время на подготовку её к весенним работам, а уже осенью он получил бы с неё изрядный доход. Но тут вмешалось второе заинтересованное лицо. Некто О́смунд Фельтэм тоже пожелал купить этот участок для постройки большой суконной мануфактуры*. Сложность ситуации была в том, что Бэзли хотел продать землю именно моему дядьке, поскольку, становясь коттером**, он нуждался в постоянной работе, и эту работу, в благодарность за проданный участок, рассчитывал получить у Джонатана. Но суконщик Фельтэм, подняв цену, вполне мог участок перекупить.

Дядька в один день собрал и отправил меня к одному из своих родственников в Бристоль с просьбой о денежной ссуде, поскольку наличных средств для этой неожиданной конкуренции не хватало.

У родственника было собственное ремесленное производство: он лепил черепицу и фигурные кирпичи для кладки каминов. Здесь, в Бристолье, я сделал неоценимый подарок самому себе. На правах близкого человека я совал нос всюду, помогал где и кому только мог, и за те три дня, на протяжении которых собирались деньги для Джонатана, я узнал всё о набивке глины и обжиге её в печи. Кроме того, мне стали известны затраты на производство этого товара и его перевозку. (Секреты ремесла

---

* Мануфакту́ра — фабрика.

** Коттер — безземельный крестьянин.

всегда и везде тщательно оберегаются, но передо мной не таились: я был свой.)

Когда я вернулся в нашу усадьбу, у Джонатана были гости. За столом перед ним сидел наш конкурент, сам Осмунд Фельтэм.

— Мистер Лей, — говорил гость, — вы же разумный человек. Сейчас, когда в Англии существует запрет на ввоз индийских тканей, я на своём сукне имею большие деньги. Сукно — прибыльное дело, и оно заставляет расширяться. Мне нужна эта земля. Конечно, вы можете участвовать в торге, и тогда мне придётся заплатить гораздо большую сумму, чем я предполагал. Но этот участок я куплю во что бы то ни стало. Вы же приобретёте злого соседа.

— Что же, вы предлагаете вот так просто отказаться от покупки, которую я ждал столько лет? — задумчиво поинтересовался Джонатан, запуская свои толстые пальцы в рыжеватую бороду.

— Нет, — помедлив, ответил гость. — У меня другое предложение. Знаете южный край этого участка?

— Там, где овраг?

— Там, где овраг. Забирайте себе эти два акра. Бесплатно. У меня они всё равно будут пустовать. А мне позвольте купить участок по сегодняшней, низкой цене. Подумайте до завтра, и кончим дело по возможности мирно.

Гость попрощался, взял шляпу, накинул редингот*, поклонился и вышел.

Долгое время Джонатан был молчалив и задумчив. Но всё же я решил обратиться к нему:

— Дядя Джо, я знаю это место.

---

* Редингот — костюм тёмного сукна для верховой езды. Отличается высоким воротником и пелериной, защищающей от дождя.

— Я тоже знаю, сынок. Овраг. Глина, ручьишко внизу. Бросовая земляца, пустая. А всё же придётся взять — участок он всё равно перекупит. Упрямый джентльмен этот Осмунд, упрямый.

— Дядя Джо, этот овраг может приносить деньги.

Он пристально посмотрел на меня, пригладил всклокоченную бороду, сел.

— Ты, Томас, всегда удивлял меня тем, как ты думаешь. Мои-то сынишки так не умеют, не дал Господь. Да и сам я — убей меня гром — не знаю, что с этим овражком можно сделать!

— Вода и глина, дядя Джо. Там можно поставить печь и делать кирпич или же черепицу.

— Погоди-ка, сынок, — перебил он меня, — а где взять мастера? Подсобных рабочих? Куда возить на продажу, по какой цене?

Я оживился, подсел к столу, отодвинул какую-то посуду.

— Мастера искать не нужно, я знаю все секреты. Подсобные работы настолько просты, что с ними справятся ваши три сына. Так что здесь не будет ни пенса расходов, разве только на уголь...

— Куда возить продавать? — коротко и деловито спросил Джонатан, тоже двигая по столу посуду.

— И возить не нужно. Всё продадим здесь, на месте.

— Кому?!

Я от волнения сделал паузу, оттянул пальцем завязанный на шее платок и выложил:

— Осмунду Фельтэму.

Какую-то минуту дядька сидел с выпученными глазами и приоткрытым ртом, на мой взгляд, нарочно чуточку преувеличивая изумление. Затем он свёл пальцы в пухлый кулак и бабахнул этим кулаком по столу, выкрикнув:

— Убей меня гром!

Он вскочил и забегал вокруг стола, загибая пальцы и приговаривая:

— За мастера не платить, за рабочих не платить, за перевозку не платить... У нас будет самая дешёвая черепица в графстве! Упрямый джентльмен подсчитает расходы на кровлю для своей мануфактуры, сравнит с нашей ценой и купит черепицу у нас!

— Но, дядя Джо, мы не станем продавать ему черепицу.

Джонатан замолчал, вернулся за стол и, недоверчиво покачивая головой, спросил:

— Что ещё, сынок?

— Мы продадим ему всю кровлю, целиком. Понимаете, дядя Джо, чтобы сделать форму для черепицы, нужно знать секрет, как одна сцепляется с другой. А если мы знаем этот секрет, то сами можем выложить кровлю.

— И взять денежки ещё и за это!

— И взять денежки и за это.

Посерьёзневший Джонатан поднялся, принёс перо, чернила, бумагу и мы занялись расчётами.

На следующий день Джонатан Лей получил в собственность участок земли с овражком, а также заключил подряд на все кровельные работы на мануфактуре Осмунда Фельтэма.

— Теперь не подведи, — сказал он мне за ужином, показывая подписанные бумаги.

Затем сообщил всем домашним:

— Так вот, у сыновей Лея появилось собственное дело. Какая бы ни была прибыль, Томас получит половину. Другую половину, — он посмотрел на троих своих сыновей, — разделите вы. И поверьте мне, это будут немалые деньги!

С мальчишеским азартом мы взялись за работу. Я мастеровил формы для черепицы, а двоюродные братья разбирали отданную нам конюшню, очищали и складывали кирпичи. Помимо этого мы заготавливали древесный

уголь, известь, бегали к оврагу и колышками размечали место.

Весной мы поставили печь.

Точнее, здесь у нас был целый городок. Навес над печью, сарай для замеса и формовки глины, площадка для черепицы. Джонатан ни разу не появился у нас хотя бы посмотреть, как идут дела. Всё, что мы делали — мы делали сами.

Непередаваемую радость принёс нам день, когда мы вынули из печи первую партию черепицы. Настоящие, рыже-красные, шершавые, звонкие пластины. Одну из них мы принесли домой, и Джонатан долго вертел её в руках, приговаривая:

— Ах, сынки, ах, деточки...

(А что там, ну, черепица. Всего-то забот — увидеть и перенять чьё-то ремесло.)

Летом, когда стены мануфактуры Осмунда поднялись на нужную высоту, моя мальчишеская команда принялась за кровлю. Нас сопровождали насмешливые выкрики скалящих зубы матросов, но мы отмалчивались.

Разумеется, нужен был кто-то умеющий ставить стропила, и мы нашли его — плотника, одинокого старика, который сидел без пенса в кармане и чрезвычайно нуждался в работе.

За три недели мы выложили кровлю над мануфактурой и прилегающим жилым баракком. Ещё две недели ушло на домик для управляющего и подсобные постройки. На следующий день после окончания работ произошли два события, одно из которых было совершенно неожиданным. Во-первых, нам выплатили целую кучу денег. Во-вторых, от совсем неизвестных людей мы получили два новых заказа на кровельные работы.

МАСТЕР ТОМ

Итак, мы получили новые заказы на нашу черепицу, и впервые в обращении ко мне прозвучало слово «мастер». Этим словом жизнь сказала мне: «Ты существуешь».

Мы трудились до поздней осени, пока дожди не стали мешать кровельным работам. Ну а после первых заморозков, сковавших глину, мы остановили печь.

Наконец, настал день, когда мы подвели итог. Вечером, после ужина, Джонатан отослал из столовой женщины и устроил семейный совет. На столе тусклой горкой лежали заработанные нами монеты. От них отняли деньги, причитающиеся старому плотнику, и всё равно осталась значительная сумма. Её разделили, как и было оговорено: половину мне, вторую половину — трём моим помощникам.

Наш плотник, получив расчёт, дрожащим голосом признался, что не ожидал такой щедрости. Он немедленно бросил своё нищее хозяйство и уехал в Бристоль. (Через какое-то время он прислал мне письмо, в котором сообщил, что на паях открывает мастерскую по изготовлению мебели, и просил по этому случаю небольшой кредит. Я тотчас дал ему денег, а когда он их возвращал, то прислал в придачу изящный ларец из красного дерева с отделениями для монет и деловых бумаг.)

Но это случилось зимой, а пока меня ожидало крайне неприятное событие. Бэсси, узнав о том, сколько денег я получил, впала в неистовство. Она перестала разговаривать со мной, в обращении же с домашними выбирала между злостью и яростью. Дом затаился. Высшего напряжения ситуация достигла в один из вечеров, когда Бэсси потребовала, чтобы я вносил деньги за питание. Тут мы увидели второе лицо добряка Джонатана. Его рык разнёсся по всему дому! Он побагровел, вцепился

пальцами в край стола и принялся бросать в лицо опешившей жене гневные выкрики, из которых я запомнил лишь то, что дело придумал Том, и организовал его Том, и сыновья Лея имеют теперь кучу гиней*, да в придачу — бесценный опыт самостоятельных поступков во взрослой жизни, и что, наконец, сам шериф, начальник графства, произнёс однажды: «мастер Томас Локк Лей». (Враньё, конечно.)

Жизнь в доме после этого стала спокойней, но напряжение не исчезло. Не спасло даже то, что остатками черепицы мы покрыли несколько скатов на наших собственных дворовых постройках. Как нарочно, в течение зимы к нам несколько раз поступали заказы на черепицу, и неизбежные разговоры о будущих доходах приводили Бэсси в состояние тихого бешенства.

В декабре мне исполнилось шестнадцать лет.

Артель моя отработала ещё одно лето, и наступила уже ожидаемая мною развязка. Как вода подмывает каменную стену, так Бэсси сточила мужа. Осенью, после завершения всех работ, снова пришла пора подводить итоги. Мы выложили на стол вырученные деньги, и Джонатан от имени всех сделал мне предложение — забрать всю эту сумму себе... и выйти из дела.

— Пойми, Том, — говорил он, — самому и стыдно, и тяжело, но выхода нет. Бэсси считает, что ребята вполне уже сами могут делать черепицу, и здесь она, наверно, права. А у тебя набирается солидный капитал, да плюс твоя голова — ты придумаешь и откроешь новое дело!

Помощники мои молчали, пряча глаза, ждали, что я отвечу. Джонатан вздохнул и закончил:

— А иначе Бэсси не даст нам житья, убей меня гром... Это было нехорошо. Это было неправильно. Даже если

---

* Гинейя — золотая монета.

жена не даёт тебе жизни — это не оправдание. Возникли сложности — так прикрой лавочку вовсе, но не предлагай принудительного отступного с тем, чтобы забрать чужую идею себе! Сам я так никогда бы не поступил. Однако вслух я как можно спокойнее сказал:

— Очень хорошее предложение. Я принимаю его.

После этого встал и всем четверым крепко пожал руку. Все облегчённо вздохнули, заулыбались, виновато переглядываясь. Джонатан достал кожаный мешочек и, сыпав в него монеты со стола, протянул его мне. Звонкая тяжесть наполнила мою ладонь. Одновременно с этим в груди поднялось щемящее чувство грусти. Я принял решение покинуть дом родственников, чтобы не быть причиной раздора.

Глава II

СТОЛЯРНОЕ РЕМЕСЛО

Я уехал на другой же день. Быстро, чтобы не дразнить Бэсси суммой увозимых денег. Однако перед этим, поздно вечером, поговорил с Джонатаном. Я предупредил его, что будущее черепичного дела не так уж безоблачно. В нашей округе мы обслужили почти всех, кто мог платить за черепицу, возить же на дальние расстояния не имело смысла — наш товар не выдержал бы конкуренции с тем, например, что производили мастера вроде бристольского родственника. У них были свои, «прикормленные» заказчики и клиенты. Поэтому нужно искать новую идею — куда приложить деньги и опыт. Но Джонатан, как мне показалось, расценил моё предостережение как проявление обиды и не поддержал разговора.

ХИТРЫЕ СКУПЩИКИ

Осенью тысяча семьсот шестьдесят первого года я приехал в Бристоль. Это был прыжок в тёмную пустоту. Признаюсь — было страшно. Один в чужом городе. Без крыши над головой, без угла, очага, чьего-то плеча рядом. Большой портовый город, с его карманными воришками, осевшими на берегу бывшими пиратами, грозными полисменами неприветливо шумел вокруг меня. Но нет! Помнится, был здесь человек, которому, кажется, я сделал однажды доброе дело!

С большим трудом я разыскал мастерскую старого плотника. Седой, маленький, как ребёнок, он важно восседал на скамье, ножки которой утопали в куче стружек, источающих волшебный смолистый запах. Моё появление обрадовало его чрезвычайно! Он бросил работу, притащил пиво, окорок, зелень и сыр, и мы сели за стол. В мастерскую то и дело заглядывали люди, и каждому он представлял меня как мастера Томаса Лея, владельца черепичного цеха.

Я поселился у него и несколько дней бездельничал, привыкая к городу.

Дом, в котором обосновался старик, был добротным каменным строением в три этажа. Два верхних занимал владелец дома с семьёй, на первом разместились табачная лавка и кондитерский цех. Половину подвала арендовал поставщик оборудования для горных работ, который собирал насосы из готовых частей. Вторую половину выкупили в собственность мой плотник и его компаньон.

Самого компаньона я увидел лишь на третий день пребывания в городе. Неопрятный пухлый детина, он с порога принялся причитать, что в подвале сыро, дерево не высыхает и мебель получается скверная, и что дохода опять не предвидится. Он потоптался по мастерской,

шурша стружками, вытирая нос грязным шейным платком, и ушёл, прихватив со стола кусок сыра.

— На самом деле всё не так плохо, — отозвался старик на мой безмолвный вопрос. — Я делаю мебель, а он продаёт, и, конечно, по хорошей цене, только мне об этом не говорит. Я уже старый, мне не по силам бегать по городу и устраивать дела с покупателями. Он пользуется этим!

Немного помолчав, он вдруг предложил:

— Иди ко мне в компаньоны, Том.

— Что же, — с непониманием посмотрел я на него, — а как же этот?

И кивнул в сторону двери.

— Он уступит тебе свой пай. Твоих черепичных денег вполне хватит, чтобы его выкупить.

— Но он может не согласиться, — растерянно возразил я.

— А я заболею, — старик хитровато улыбнулся, — и перестану работать. Он сам предложит тебе выкупить его пай, да ещё будет считать, что провёл тебя!

— А это будет честно? — осторожно спросил я старика.

— А честно позволять компаньону обманывать себя, да ещё делать вид, что всё хорошо?

Через месяц, в семнадцать лет, я стал совладельцем столярной мастерской.

Как-то вечером старик поделился со мной новостью.

— Наш домовладелец в панике, — таинственно сообщил он. — Английский престол занял Георг Третий, царствовать ему сто лет. Он укрепляет партию тори против партии виггов*. В стране неспокойно.

Он выразительно посмотрел на меня.

— А домовладелец при чём? — не понял я.

— Непокойно в стране, — повторил со значением

---

* Тóри и ви́ги — политические партии в парламенте.

старик. — У полиции и глаз зорче, и рука твёрже. А тут к соседу нашему, что собирает насосы, по ночам зачастили люди. У хозяина сон пропал, он подкрался и подслушал. Люди эти — крестьяне из тайного общества, называют себя «дубовые ребята». Сговариваются против лендлордов* и арендаторов. Теперь наш домовладелец боится, что их раскроют, а его обвинят в укрывательстве.

— Пусть выгонит их! — не утерпел я.

— Так он и их боится, — развёл руками старик. — Вчера пришёл, напился пива, жаловался мне.

До утра мы обсуждали эту новость и нашли, что ситуация весьма выгодна для нас. Утром мы пригласили хозяина дома к себе и предложили простой выход из положения. Он *продаёт* нам вторую половину подвала, и мы на законных правах вытесняем оттуда опасного соседа. Ещё одна польза для него в том, что мы устроим там сушильню для дерева, и в доме постоянно будет тепло.

Для хозяина избавление от «дубовых ребят» было вопросом жизни и смерти, и он немедленно продал нам вторую половину подвала, причём за сумму почти вдвое меньшую, чем та, которую мы ожидали.

Дела пошли в гору. Мастерская стала просторной. Мы взяли двух рабочих, поставили два новых верстака и отгородили спальный угол. В бывшем насосном помещении я сложил голландскую печь, и теперь в нём день и ночь стояла жара. Там сохло под прессом дерево, отстаивался мебельный лак, хранился уголь и подсобные материалы. Хозяин табачной лавки, что располагалась на первом этаже, над нами, приносил к нам в сушилку влажный табак и сигары и за это платил шесть пенсов** в неделю.

---

* Лендлорд — крупный землевладелец.

** Пенс — мелкая монета, 1 фунт равен 240 пенсам.

Однажды он похвалился новыми курительными трубками, доставленными ему из Голландии. Мы с плотником выбрали несколько обрезков орехового дерева и сделали копии, да так, что мало кто мог отличить их от оригинала. С этого дня, под огромным секретом, все трубки для его торговли делали мы. Ему они обходились вчетверо дешевле, чем голландские, мы же получили новый, неожиданно крупный доход — особенно когда, пользуясь низкой стоимостью, наш заказчик стал продавать их большими партиями.

МОЯ КОМНАТА

Весной именно от владельца табачной лавки мы получили известие, что его соседи-кондитеры, недовольные тем, что аромат их сдобы и пряностей перебивается запахом табака, арендовали другое помещение и собираются выезжать. И мы решились на хитрость.

Я отыскал нашего бывшего соседа, сборщика насосов, и, не показываясь ему на глаза, передал известие, что наш домовладелец снова сдаёт помещение, и за умеренную цену. На следующий день он нанёс деловой визит хозяину, а тот, едва только выпроводил страшного гостя, примчался к нам. (Мы же не подали вида, что поджидаем его.)

Он отведал предложенного пива и с показным равнодушием поинтересовался, не нужно ли нам дополнительное помещение. Мы чинно отказались, и он в волнении забегал по мастерской. Он принялся причитать, что мы благонадёжные люди, не занимаемся политикой, к тому же благодаря нашей сушильне во всём доме сухо и тепло, и что ему не хотелось бы иметь других соседей. Целый час мы изображали безразличие и согласились, поставив условие: он *продаёт* нам весь первый этаж.

Поёживаясь при мысли о величине отданной суммы, мы с плотником вступили во владение нижней частью здания. После этой сделки у нас почти не осталось наличных денег, но через месяц, подсчитав доход от продажи мебели, аренду от табачника (который платил теперь уже нам) и его же плату за трубки, мы удивлённо посмотрели друг на друга: «Хорошо!».

В бывшей кондитерской мы убрали перегородки, заменили оконные рамы, входные двери, и настелили новый пол. В этом просторном, гулком помещении мы выставили лучшие образцы нашей мебели. Здесь же поставили мягкий просторный обтянутый кожей диван для посетителей, а рядом — деловую конторку. (Столик. Бюро. Бумаги, чернила, перья.) С этого дня мы стали делать мебель на заказ, дорогую, из ценных пород дерева. В нашей мастерской работали уже четыре человека, из них один мастер-краснодеревщик. И если обычный рабочий на мануфактуре зарабатывал около пяти фунтов в год, то своим мы платили втрое больше, и дело шло.

Старик сделал мне неожиданный подарок. Дальнюю часть нашего салона он перегородил кирпичной стеной, получив узкую, вытянутую комнатку с одним окном. В ней поместились два шкафчика, столик, диван. Навесил толстую дубовую дверь с врезанным чёрным замком, пахнущим машинным маслом. Я был уверен, что в эту комнату мы перенесём конторку, но плотник, отдавая мне ключ, сказал:

— Томас! всю свою жизнь я спал на верстаке, вдыхая запах стружки и клея, и не хочу этого менять. А ты только начинаешь жить, и у тебя должен быть собственный дом. Вот его дверь, а вот от неё ключ.

Было лето тысяча семьсот шестьдесят второго года.

Мне шёл восемнадцатый год, и на меня каким-то странным образом свалилось благополучие. Хорошая пища, дорогая одежда, возможность покупать книги.

Я целыми днями валялся на кровати, которую сам смастерил и поставил возле окна. Широкий подоконник служил мне столом, а всю противоположную стену, от пола до потолка, заняли книжные полки со стеклянными дверцами. (Книги были преимущественно о путешествиях и далёких странах.) На подоконнике расположились подсвечник с тремя свечами, блюдо с фруктами и деревянная стойка с трубкой, которую я лишь подносил во время чтения ко рту, воображая себя бывалым матросом, но не курил, так как первая же попытка привела меня к головокружению и тошноте.

Почти месяц тянулось моё безделье и, странное дело, отчаянно утомило меня. Я отыскал свою ветхую одежду, в которой уехал от Джонатана, облачился в неё и, спрятав в конторку ключ, ушёл из дома.

ОДНОГЛАЗЫЙ

У меня была цель. Если есть в Англии люди, ходившие под парусом к неведомым землям, то их можно встретить, и об этих походах старательно выспросить! А где же их встретить, как не в порту? Только в порту. А ведь он рядом. Один из самых больших в Англии, Бристольский. В порт! Именно туда я и направился.

Но молодость легковесна и ветрена. От нашего дома до гавани, неполную милю, я шёл почти неделю. Бродил по улицам, разглядывал дома, лица прохожих, витрины и экипажи. Деньги в кармане решали проблему еды и ночлега. Мне доставляло странное удовольствие ощущать их тайную силу. Все принимали меня за схваченного нуждой мальчишку, а на самом деле я мог позволить себе любую прихоть. Но вот — цель стала настолько близка, что казалось, я мог протянуть руку и дотронуться: одна из улочек привела меня к Бристольской гавани.

Всё оказалось достаточно просто. Если ты, любезный читатель, пожелаешь послушать рассказы бывалых людей — будь уверен: они тебя ждут. Пристань в порту тайно поделена на участки, на которых «работают» те, кто изображают таких вот бывалых людей. Презабавное зрелище! Они стараются перещеголять друг друга одеждой — то расшитой золотом, то превращённой в лохмотья. Они причудливо расписаны страшными шрамами. У них очень часто можно увидеть деревянную ходулю вместо ноги, «оторванной испанским ядром», или железный крюк вместо руки, «отсечённой карибским пиратом». У каждого — своя любимая тема: кто-то живописует схватки с пиратами, кто-то ужасы с акулами, кто-то выплетает истории о поисках невероятных сокровищ и кладов. Одним только похожи рассказчики друг на друга: у каждого на плече обязательно сидит громадный цветной попугай — как доказательство того, что рассказчик был-таки на неведомом юге, потрясающем и ужасном.

Их много в порту, но возле каждого собираются-таки изрядные кучки «домашних» мальчиков и неопытных, юных матросов, которые слушают невероятные эти истории с утра до вечера, раскрыв в изумлении рты. Время от времени владельцы сонных больших попугаев натужно кашляют, хрипло произнося: «пыль на glandax...», и тогда слушатели торопливо подают ему медяки — на бутылку вина или кружку рома.

Первые несколько дней был таким вот разиней и я.

Был, пока не обошёл всех рассказчиков и не обнаружил — с изумлением и досадой — что истории у них одинаковы, как близнецы. Что делать? Рассовать разочарование по карманам и ехать домой? Нет «бывалых» здесь, нет...

И всё-таки я их нашёл. Портовые грузчики (они же — состарившиеся матросы) — вот кто действительно кое-что повидал! Подслушанные случайно обрывки их

разговоров убедили меня в том, что вот их-то истории — подлинны. Но как войти в это закрытое братство? Чужакам нет входа в такие компании! Но я, как ни странно, сумел. За ничтожную, вздорную плату я нанялся в грузчики и с прочими наравне таскал целыми днями тяжёлые бочки и ящики. Но зато потом, вечерами, слушал, холодея от восторга, рассказы о дальних странах, которые вставали передо мной нагромождением красот и опасностей, о благородных людях и жестоких пиратах (чьи образы были едва ли колоритнее тех личностей, что восседали на перевёрнутых пустых бочонках рядом со мной), о нищете и несметных сокровищах, о коварстве и благородстве, о жизни и смерти.

Особенно близко сошёлся я с кряжистым одноглазым грузчиком, которого все так и называли — «Одноглазый». В первые дни я испытывал к нему страх и скрытую неприязнь (и сейчас мне стыдно в этом признаться). Правую сторону лица его, от макушки до подбородка, пересекал рваный багровый рубец — след от клинка, очевидно, тяжёлого и тупого. Свою пустую глазницу он прятал под косой чёрной повязкой, а ниже, неровно сросшаяся, комковатая кожа была подтянута кверху, и правый верхний клык его был постоянно оскален. А представьте себе плечи и руки его — могучие, узловатые, и сплошь покрытые нескромными татуировками, самые непристойные места которых были стёрты, точнее — выжжены раскалённым железом, и, следовательно, обезображенные уродливыми шрамами. Ещё Одноглазый был молчалив и угрюм. Как его было не сторониться?

Изменил моё отношение к нему случайно подслушанный разговор двух его товарищей, из которого я узнал нечто изумительное. Оказывается, Одноглазый был лихим и удачливым охотником за неграми и на торговле рабами сделал себе состояние. Вдруг однажды ночью (это рассказывал очевидец) он как бы сошёл с ума.

Спрыгнув с гамака, он битый час стоял столбом, а затем бросился будить спящих товарищей-пиратов, каждому задавая один и тот же вопрос: «Это был не сон? Это был не сон?..» Затем стал рыдать, биться головой о шпангоут*, был связан и облит водой.

В первом же порту он, бросив вещи, сошёл на берег и, по слухам, отвёз все имеющиеся у него деньги в ближайший монастырь, где отдал их настоятелю, не называя себя и ничего не объясняя. Потом вернулся в порт и нанялся на погрузочные работы, несмотря на то, что свежие раны на нём, покрытые кровавой коркой, трескались и сочились: по пути ему встретилась кузня, куда он зашёл и раскалёнными кузнечными клещами (не жутко ли вообразить!) стёр с себя некоторые наколки.

Итак, он сделался молчалив, сумрачен, отказался от вина и не ел мяса, заявив однажды назойливой пьяной компании, что не желает быть поедателем трупов, пусть даже это трупы животных. Но — брался за любую, пусть и самую тяжёлую работу, а чтобы восстановить силы, покупал солёные морские водоросли, сушёные грибы, мёд (съедал его вместе с воском) и, что особенно любил — привезённые из азиатской страны Московии мелкие лесные орехи.

В груди моей возникло призрачное раскалённое железо: жёг и мучил меня вопрос, что же такое увидел он в своём сне?

Против прежнего отношения к нему, против воли, я стал к нему тянуться. Но заговорил он со мной сам.

— Малыш, — сказал он как-то (а его рваный рот с клыком превратили это слово в «малысс»), не наклоняйся, малысс, над грузом (а мы носили бочонки с солёной

---

* Шпанго́ут — толстый деревянный брус внутри корабля, между днищем и палубой.

сардиной, весом в девяносто фунтов каждый, не монетных фунтов, заметьте, а торговых, которые более чем на четверть тяжелее), не наклоняйся, спину сорвёсс.

— А как же тогда? — с готовностью откликнулся я и, надо признаться, не без страдальческой мины разогнул спину.

— Бочонок скати со спалеры (со шпалеры*) и ставь его на дно. Поставил? Присядь перед ним. Низко присядь, до земли. Руками обхвати. К зывоту призьми. Вставай. Неси. Удобно?

Что ж, не только удобно. Легко! Главная цель на погрузочных работах: сделать так, чтобы было легче.

Вечером я приготовил ему кастрюльку чая (вечером он много пил) и заварил не только индийский чёрный чай, но добавил зелёного, с Цейлона, и ещё сушёных цветков магнолии. Он принял мою кастрюлю с удивлением. Лицо его дрогнуло, взгляд метнулся внутрь, он стал на секунду ребёнком. Откинув голову назад и влево (чтобы не мешала правая, рваная сторона рта), Одноглазый медленно, одним долгим движением выцедил чай, сжал большим и указательным пальцами закрытый левый глаз и немного так посидел. Потом открыл глаз, счастливым, влажный, и сказал:

— Умеесс придумывать, малысс. Как сделал такой запах?

— Магнолия...

— Ах, да...

Он пригласил меня сесть рядом, мы помолчали. Молчание не было тягостным. Оно было естественным и спокойным. Он сказал:

— Ты работаесс не за деньги. Ты довольный и сытый. Я, чуть помедлив, признался: кивнул.

---

* Шпалёры — ряды бочек, выложенные один над другим.

— Ты сколько хочесс детей?

— Двоих, — ответствовал я, почему-то совсем не удивившись вопросу.

— Будет трое.

— А кто да кто?

— Двое — мальчисски.

Мы опять помолчали. И тут я решился.

— А что это был за сон? — спросил я, с трудом сглотив слюну.

Он неожиданно улыбнулся.

— А ты хочесс узнать, когда ты умрёсс? — вкрадчиво спросил он. (Ласково, мягко, но пугающе вкрадчиво!)

— Нет, нет!..

— Правильно, малысс. Не нужно знать то, сто знать не нужно...

Этим тот разговор и закончился. Мы беседовали ещё несколько раз, то пыхтя под общим грузом во время работы, то вечером, отдыхая. Одноглазый рассказал мне о том, как устроен у человека скелет и как его лучше держать при больших нагрузках. Как тренировать мышцы для медленной работы, как — для быстрой. О том, чтобы я бережно относился к самому себе, потому что силы у человека имеют обыкновение уходить вместе с тем, как уходит его молодость. И ещё кое-что малопонятное:

— Ты, малысс, приглядывайся к мастерам, подмечай их уловки. Твоя зызнь будет непростой, и это пригодится...

Подросток, как я мог знать тогда цену таким встречам? Как можно было узнать, что спустя изрядное количество лет именно Одноглазого встретит на своём страшном пути мой заклятый враг, посланный турецким пашой убить меня, и эта встреча приведёт ко мне пусть не друга ещё, но уже не врага! Остаться бы ещё на недельку, расспросить бы о будущем...

Через день, почувствовав, что изрядно устал от тяжёлой работы, я купил целый анкер* любимого местным народцем вонючего ямайского рома и, оставив его в подарок грузчикам, покинул гавань.

---

* Анкер — специальный «плоский» бочонок с ручкой для переноски.

Глава III У КУЗНЕЦА

За два пени я купил место на повозке фермера, который привёз в гавань какой-то груз. На ферме, понимаете ли вы меня, я никогда ещё не был. Почему бы и не побывать? Но на выезде из города фермер завернул к придорожной кузнице сменить зазвеневшую подкову у лошади. Я спрыгнул с повозки и заглянул внутрь.

УЛОВКИ МАСТЕРА

Багровый огонь в чёрном брюхе кузни, кислый запах сгоревшего угля, громадный мускулистый кузнец в кожаном фартуке, звон молота — всё показалось мне сказочным. А ещё знаете, что я увидел? Раскалённые кузнечные клещи. Как будто молния полыхнула у меня в груди, как будто в неё перепрыгнул огонь из багрового горна!

Я не раздумывая попросил кузнеца взять меня в подсобные рабочие.

— Мне помощник не нужен, — тяжёлым голосом ответил он.

— Бесплатно, — быстро добавил я.

Он внимательно посмотрел на меня, взял в свои лапы мои кисти (я тихо порадовался, что они окрепли на портовых работах), согнул в локте мою руку, железными пальцами сдавил мышцы.

— Ладно, — бросил он, подумав. — Двадцать пенсов в неделю и мой ужин.

— Так вы берёте меня? — неуверенно спросил я.

Вместо ответа он усадил меня на колоду, достал ножницы и, не успев я опомниться, отхватил мои выбеленные солнцем, отросшие почти до плеч волосы.

Я ревел уже через два дня! Я плакал, стонал, скрипел зубами, я не хотел жить. Стофунтовые бочки — детские игрушки по сравнению с нетяжёлым кузнечным молотом! Дамир, мой хозяин (то ли скиф, то ли галл*), спрятав глаза под лохматыми бровями, знай себе помахивал указателем-тенькой, особенно крохотным в его массивной лапе. «Тень!» — звякал молоточек о набухшую красную тушку,

---

* Скифы — общее название кочевых восточных народов.

Галлы — племена, жившие в древности в центре Европы.

шипящую на наковальне. «Бум!» — ударял я вполсилы. «Тень-тень!» — издевался карлик, и — «Бом!» — должен был со всей силы грохнуть мой молот. «Тень-тень-тень!» — захлёбывался злодей. «Бамм!» — должен был обрушить за пределом возможного. И вот, когда свежий, белый из горна брус вымётывался на наковальню, здесь были ужас и смерть. Кузнец, пока не остыло железо, гнал немилосердно, и тройное дребезжание, означавшее выдёргивание сил из моего тела без всякой пощады, это «тень-тень-тень» было для меня бесконечным. Кровавый пузырь качался у меня перед глазами. Я был слеп от пота и боли и лупил не глядя, на ощупь, на звук. Но вот... Вот! О, счастье! О, Боже! О, милость! — «Тень-тень...» Это означало: всё. Бруску придана нужная форма, и теперь кузнец будет мять его редко, вдумчиво, тщательно вглядываясь, поднося к самой окалине* изжёванную огнём, опалённую вкруг, свою густую дикую бороду. А там, глядишь — и новое чудо: металл отправляется в горн, на догрев, а я тащу свои мясо и кости к низкой скамье, скрытой в тени бочки с рыжей от окалины водой.

Вечером я плёлся в свою комнатку, отодвигал в сторону обильный ужин (я съем его потом, ночью), валился на тюфяк, и лежал, и не шевелился, и плакал.

Признаюсь, я плакал бы и днём, за наковальней, благо — слёзы и пот неразличимы. Но днём в кузне неизменно сновала девочка — дочь кузнеца, его единственный ребёнок. Ей было пятнадцать лет, *она на меня смотрела*, и здесь уже никакие силы не заставили бы меня выдавить хоть одну слезу. Я мучился молча.

Но вот незаметно в мою жизнь вошло равновесие между работой и собственным телом. Я не страдал больше!

---

* Окалина — красный налёт на кузнечном железе.

Я обвыкся, окреп, стал проворен и весел. Больше того, я смог отстранить своё сознание от боли в мышцах и понемногу начал вникать в то, что происходит на накопальне. Также я начал замечать людей, приезжающих с заказами. Вот низенький, с брюхом, купец. Заказал воронёные ручки для дверей своего нового дома. Я-то знал уже, что выворонить металл — значит сделать его совершенно чёрным. Но как? Ручки мы отковали, с этим я справился бы и сам...

И вот Дамир принялся колдовать. Принёс деревянную бадейку, вымыл её кипятком и заполнил жидким дёгтем. Откованные предметы он раскалил в горне до одинакового цвета (я запомнил этот оттенок, между красным и малиновым), и каждый, подхватив щипцами, опустил в дёготь на несколько секунд (я их сосчитал).

Вечером, прядя за заказом, купец восхищённо качал головой, цокал языком и вздыхал над дюжиной ручек, чёрных до синевы. Дал щедрые деньги. Я же про себя сказал: «Ага!»

А зимой приехал вельможа из Лондона, богатый и прихотливый. Сообщил, от кого узнал о мастере, и спросил, может ли тот сковать булатный клинок. Он, видите ли, собрал большую коллекцию оружия ближнего боя и желал, наряду с древними, новых изделий.

— Фунт стерлингов в день, — твёрдо сказал кузнец, — работы на две недели.

«Безумие, — подумал я, — четырнадцать фунтов за клинок! Сейчас тот разозлится. Хорошо, если только просто плюнет...»

Нет! Быстро-быстро закивав головой, вельможа достал и протянул задаток — семь фунтов. Безумие!

— Сарацинский* булат? — уточнил Дамир.

---

* Сараци́ны — воинственный народ на Востоке.

— Сарацинский клинок струистого булата! — заученно выпалил коллекционер.

Поговорили про тип оружия, внешний вид, контуры и размер.

— Испытывать будем обычным образом, — строго сказал кузнец. — Платок из китайского шёлка подбросим, и я его в воздухе клинком рассеку.

Вельможа часто задышал, покрылся румянцем. Кивнул.

Он уехал, а у нас начался праздник! Из-за кузни выкатили колоду — спил дуба, такую громадную, что я на неё мог бы лечь и выспаться. Дамир заказал, и нам привезли два бочонка лучшего пива. Кузнец взял бурав, в одно мгновение высверлил в бочонке дыру и, пересиливая ударившую оттуда пенную струю, быстро вернул кран. На колоду поставили две огромные глиняные кружки, в две пинты* каждая, и с полдюжины глазурованных глиняных блюд, на которые выложили сыр, варёные вкрутую куриные яйца, квашеную капусту, мочёные яблоки, лук, чеснок, пышущий горячим паром картофель и тучный, собственного копчения свиной окорок. Мы уселись у колоды на перевёрнутые бочонки, и кузнец отворил кран. Зашипел пивной ручеек, вспухла и зашлёпала, упавая меж расставленных ступней, белоснежная пена.

— Выпьем, помощник! — провозгласил, поднимая тяжёлую кружку, Дамир.

— Выпьем, мастер, — чинно ответил я.

Прохладная, щекотная пена коснулась кончика носа. Я втянул её губами и добыл хороший глоток бархатного, колючего, терпкого пива. На картофелину бросить соли, отпахнуть солёный, но ещё хрусткий капустный лист, свернуть его трубкой, оголить чесночный зубец — и всё это, друг за дружкой — вслед за пивом. Вдохнули, поддер-

---

* Пинта — примерно одна обычная бутылка.

жали лёгкую паузу — и разом, обе холодные кружки — медленно, не отрываясь — до дна. Глухо стукнули они, опустевшие, по дубовому телу колоды, и широкий, острый как бритва, нож вёлся в мягкую окорокову выпуклость и отвалил его бок, явив розоватое, с прожилками, зеркало среза. Розовато-коричневый, плоский, пространный, словно подмётка великаньего сапога, окороковый пласт ухвачен обеими руками, поднесён ко рту, а в голове уже восхитительный, мощный, в любви ко всему белому свету, немой, распирающий, медленный гул.

— Выпьем, помощник!!

— Выпьем, мастер!!

Праздник. Годовой доход за две недели. Близкая к постижению вечная тайна булата. Сон. Наваждение.

— Выпьем, кузнец!..

БУЛАТ

Десять дней качался праздник, пресыщенный и беспечный. Наконец, во мне зашевелилась тревога. Когда же начнём выполнять заказ?

Кузнец, обнажив в лукавой усмешке крупные зубы, на одиннадцатый день, вечером, сирым голосом произнёс:

— А мы булат-то ковать не будем!

— Как же? — опешил я.

— Очень просто, — пояснял он мне назавтра, уже в процессе работы. — Чтобы получить булат, железо нужно везти из Дамаска, там у них руда сильная. Здесь, в Англии, руда слабая. Но немного поправить её можно. Будем крицу* ковать да порошочки добавлять.

---

* Кри́ца — первично полученное в кузне или плавильне грубое железо.

— Какие? — как можно равнодушнее спросил я.

— Разные. Медь, магниум. Толчёное конское копыто. Не в этом дело-то. Главное — проковать многократно, чтобы железо вышло слоистое. Непременное условие — полоски-прослойки на клинке, и чтоб волнами. Ему, видишь, струистый булат хочется. Ну, будет.

— Но ведь если не настоящий булат, им платок не рас-сечёшь!

— Рассечёшь, — загадочно улыбаясь, сообщил он, по-чёсывая палёную бороду. И, встретив мой молящий взгляд, снизошёл: — Клинок мы ему перекалим. Хорошо прокованный перекал платок легка рассечёт, даже шёл-ковый. Другое дело, что воевать им нельзя: хрупок, обло-мится сразу.

— А вельможа этот не будет воевать?

— Что ты! У них, видишь ли, недавно объявилась мо-да: добыть за большие деньги булатный клинок и, созвав друзей в гости, рассекать им платки. Наверное, уже гору китайского шёлка извели. И для этой-то тряпичной вой-ны наш меч будет как раз впору.

Пришёл четырнадцатый день. Вельможа, с дрожащи-ми пальцами, с белым лицом, напряжённо смотрел на нас. Дамир вынес завёрнутый в холст изогнутый, с нало-женной недорогой временной рукоятью меч, положил его на вытянутые руки заказчику, разбросал в стороны концы ткани. Засиял, запереливался клинок. Не повери-лось мне, что такой предмет мы выковали и отполирова-ли всего за два дня.

— Платок? — спросил кузнец.

— Забыл, — помертвел вельможа.

Понимающе, важно кивнув, мастер запустил руку за пазуху, достал в горсти три платка — синий, жёлтый и алый. Медленно осмотрел шёлк, отложил в сторону алый и синий. Дал мне в руку старую, но остро отточен-ную саблю, вытянул руку с зажатым в пальцах платком.

— Руби! — выдохнул он, отпуская невесомую ткань.

Ох, и рванулись мои мышцы! Свистнула сабля. Хлопнул, встретившись с ней, платок, отлетел в сторону. Подняли платок, посмотрели. Ни одного, даже крохотного пореза. Кузнец взял с холста откованный нами меч, вложил в мою руку. Я торопливо вытер о штаны вспотевшую вдруг ладонь, развернул плечо.

— Руби!

Меч мелькнул, но платок всё так же падал.

«Промахнулся!» — догадался я и тут же увидел неестественно расширившиеся глаза лондонского вельможи. Я взглянул по направлению его взгляда и увидел, что на землю большими листами осеннего клёна мягко ложатся два платка. Два!

Заказчик наш, застонав, бросился к мечу, схватил.

— Сами попробуйте, сэр! — предложил кузнец.

Но тот лишь сунул ему в руку деньги, скорей-скорей отвернулся от нас и пошёл...

Я с тоской смотрел ему вслед, ему, уносящему что-то значительное, к чему я тоже приложил и старание, и мастерство. Увижу ли я тебя когда-нибудь, мой первый, мой струистый клинок?.. Едва ли.

ВЕСНА

Всю зиму и весну я работал в кузнице. Каждую неделю получал три шестипенсовика и ещё два пенни. И если поначалу мне казалось, что я не выдержу — настолько тяжёлой была работа, то со временем втянулся, обвыкся и даже стал скучать. Появилось свободное время, и я (да и как могло быть иначе?) нашёл ему применение. Так вот, я стал учителем. Кузнец сначала не верил, потом с недоумением отступил перед фактом. Я умел читать! И писать, разумеется, тоже.

Моя ученица каждый вечер отмывала гладкую дубовую доску, набирала жжёного угля из горна и терпеливо ждала, когда мы закончим работу. Дамир, приходивший звать нас к ужину, раскатисто хохотал, глядя на наши пальцы, щёки и носы.

— Следы учёности, — говорил он, подсмеиваясь, хотя — я видел это — с неподдельным удовольствием и одобрением относился к нашим урокам. Нанимать домашнего учителя ему было не по средствам, а я обучал его дочь бесплатно.

Ученица моя в свои пятнадцать лет имела приятное личико, достаточную смекалку и весьма бойкий характер. Вдобавок ко всему пришла весна! Ученица как-то незаметно приобрела замаскированную под задиристость шалинку во взгляде, и, по вечерам, когда мы склонялись над книгой (а её успехи уже давали такую возможность), так вот по вечерам, когда наши головы соприкасались, мы, используя естественное право оставаться наедине, предавались быстрым, неумелым, пылким поцелуям. Откровенная же готовность моей пассивности* на любое безумство сводила меня с ума. Я убедил себя в серьёзности своих намерений и поведал ей о том. Она, не долго думая, переадресовала их отцу, и у меня состоялся с ним ненужный, неправильный разговор.

— Том, — тяжело сказал он, — ты неплохой работник. И железо чувствуешь, и смыслёный. Но я не люблю врунов!

И, остановив моё возражение, ещё больше нахмурился:

— Что ты наплёл моей дочери? Что у тебя есть собственная мастерская! Что ты обеспеченный человек! Так?

---

* Пассивность — буквально: «страсть», но так ещё принято называть избранницу.

— Так, — проговорил я, избегая смотреть ему в лицо.

— Может, ты ещё и джентльмен?

От него исходило что-то присущее сильному зверю. Я молчал. Я боялся его.

— Вот что, джентльмен. Забирай-ка свои вещички и иди откуда пришёл!

Он неторопливо ушёл в кузницу, а я, поспешно побросав в мешок своё скудное имущество, не попрощавшись, выскочил на дорогу. Я шёл и, почти плача, ругал себя. Ведь виноват! Да, виноват! Прав кузнец, что прогнал меня, как напакостившего щенка. Ведь за его спиной, тайком, я целовался с его дочерью. А это, бесспорно, предосудительно. Никогда больше в моей жизни женская прелесть не смутит и не сманит меня. Вон что из этого выходит! Нехорошо, как же нехорошо... Ссутулившись, я быстро шагал по пустынной, на моё счастье, дороге, и ветерок обдувал моё пылающее лицо и сушил глаза. Я воображал, что вот я вернусь, и с дорогими подарками, и они увидят и поймут, что я не бродяга и шалопай, что всё серьёзно!.. Но тут же приходила странная уверенность в том, что этого не будет. Не вернусь. Не осмелюсь.

Я подошёл к центру Бристоля, и его шум, суета, лики домов и грохот колёс экипажей заняли моё внимание. Однако горе всё ещё сидело в груди в тот миг, когда я подходил к нашему дому.

ХОЛОДНЫЙ ОГОНЬ

Старый плотник просто засиял, когда увидел меня. — Томас! — радостно воскликнул он. — Как же ты вырос! Что за плечищи! Что за руки! Садись, рассказывай скорее, где был, что видел?

Мы пили пиво, жевали окорок, первую, свежую зелень, и наперебой рассказывали новости. Вечером мы

перебрались на первый этаж, в мою комнату (салон был заставлен новой, незнакомой мне мебелью), и проговорили до утра. Старик отдал мне мешочек с деньгами — мою долю от общей прибыли и, притащив расчётную книгу, буквально заставил меня проверить бухгалтерию, а заодно вникнуть, как идут дела.

Снова потянулись дни сытого безделья, чтения книг у блюда с фруктами, разговоров со старым товарищем. Однако на этот раз моё сибаритство* было недолгим.

Однажды утром к нам явился новый заказчик, оружейный мастер. Он попросил изготовить ложа и рукояти для двух пистолетов, обязательно из чёрного дерева, чтобы инкрустировать их серебром. Это были паразитические пистолеты! У них не было массивного курка с винтом, в котором зажимают кремень, что высекает искру, зажигающую порох на полке. Да и самой этой полки не было и в помине! А был небольшой изящный курок, с тугой, впрочем, пружиной, который, опускаясь к стволу, накрывал собой круглый выступ над затравочным отверстием. Как, — ума не приложу, — поджигается порох в самом стволе?

Четыре дня я мастерил рукояти, но даже не замечал, что делают мои руки. Словно назойливый шмель, в голове гудела мысль — как же он поджигается?..

Работы не замечал, но когда закончил — не смог сдерживать восхищения. До чего же хорошо получилось! (Вы видели когда-нибудь белое серебро на чёрном дереве?) Изумился и мой старик, когда взял в руки готовые изделия. Покачал головой, пристально посмотрел на меня, но ничего не сказал. Зато сказал оружейник. Он произнёс одно только слово, высшую похвалу, какую может слышать мастер любого ремесла в любом городе:

---

* Сибарит — избалованный роскошью бездельник.

— Безупречно.

Он недоверчиво хмыкнул, узнав, что это я сделал рукоятки, осмотрел, поднося к самому носу, ощупал. Лизнул даже! Потом сел и уставился на меня.

— Ну хорошо, — сказал он. — Дерево отшлифовал — это можно. Накладки врезал — с этим справился бы и часовщик или хороший гравёр. Курок отцентровал — ладно. Но как ты выставил равновесие?

Старик подошёл, сунул нос к пистолетам, вскинул непонимающие глазки. Притих.

— Пятьдесят два года я состою при оружейном ремесле, — возгласил заказчик, — и знаю, что дерево всегда было легче железа, и, когда рукоять пистолета в руке, а руку вытянуть, — ствол перевешивает.

Он оттопырил губу, посмотрел на меня. Потом вскочил, схватил пистолет, вытянул руку. Постоял. Потянул пальцем за скобу (звонко хлопыстнул курок), опустил руку.

— Безупречно!

Сел, уставился на меня. Заговорил снова:

— Для баланса я вворачивал в торец рукоятки массивное железное кольцо, все пятьдесят два года. Это делает пистолет более громоздким, но зато, когда он ложится на указательный палец, не перевешивает ствол! Как ты сделал баланс — не понимаю.

— Предлагаю меняться, — напряжённо сказал я и спрятал задрожавшие руки в карманы.

— Что? — вскинул голову оружейник. — Чем?

— Секретами.

— Секретами?

— Я расскажу вам, как добился равновесия.

— Так-так. Что же юный мастер хочет узнать взамен?

— Как поджигается порох.

— Какой? Где?

— В стволе, при выстреле.

Оружейник вскочил, взял пистолет, протянул его мне, воскликнув:

— Согласен!

Я взял пистолет, перевернул его стволом вниз, показал на торец рукояти.

— Вот здесь высверлено отверстие, и в него залит расплавленный свинец. Потом отверстие заклеено пробкой — так, чтобы прожилки дерева совпадали, — и зашлифовано. Таким образом, в рукояти скрыт свинцовый бочонок, который не даёт стволу перевешивать.

— А как рассчитан вес бочонка?

— Никак. Чутьём угадан.

Я протянул пистолет ему. Его очередь!

— Вот сюда, — он потыкал пальцем в круглый выступ над запальным отверстием, — надевается медный колпачок. Называется капсюль. В нём содержится холодный огонь. Когда курок ударяет по капсюлю, огонь становится горячим и поджигает порох. Бум! — Он бумкнул и притопнул ногой. — И всё.

— Всё? — я был растерян.

— Всё.

— Но... это лишь половина секрета!

— А что же ещё-то?

— Что такое холодный огонь?

На следующий день я трудился в оружейной мастерской.

Очень скоро я научился соединять металлические части так, чтобы они плотно прилегали друг к другу, но не теряли подвижности. Смешивать уголь с селитрой, чтобы получить порох. Определять раковины и трещины в металле. Плавить свинец и отливать пули. Свивать и закаливать пружины. И, наконец, я сам изготовил капсюль.

За день до этого события, вечером, передо мной предстал оружейник — нарядный, торжественный и чуточку пьяный.

— Детей у меня нет, — сказал он, — стало быть, и секреты передать некому. Но и допустить, чтобы ремесло угасло — нельзя. Поэтому я решил все свои секреты доверить тебе.

Он подвёл меня к столику, на котором были разложены пистолетные механизмы, пружины, коробочки с порохом, пули.

— Главный секрет — продолжил он, — это тайна холодного огня. Вот он, порошок, который даёт взрыв в тысячу раз сильнее, чем порох. Его случайно создал один из моих предков лет за двести до нас с тобой. Алхимик и франкмасон*, он искал философский камень, а нашёл вот этот порошок. Двести лет способ его получения держался в тайне, передаваясь из поколения в поколение, и вот только я решился выпустить его на свет.

Он покачнулся, крепко ухватился за моё плечо.

— Я выпустил на свет ещё одного слугу смерти, и, может быть, то, что небо лишило меня детей — начало моего наказания. Но устоять я не смог — уж слишком удачное применение нашёл я для этого слуги. Он настолько силён, что взрывается не от огня, а всего лишь от небольшого удара. Это его свойство позволило мне придумать и изготовить пистолет без кремня. Вместо кремня — вот, тонкий медный диск, похожий на маленькую монетку. Вставляем его в пресс, нажимаем... получается колпачок. В него насыпается щепотка порошка и закрывается кружком из фольги. По краям фольга смазана клеем. Надеваем колпачок на запал пистолета, взводим курок... Бум!!

Так прошёл год.

---

* Франкмасон — в буквальном переводе с французского — «вольный каменщик»; когда-то название цеховых объединений и рыцарских орденов. Сейчас, в XVIII веке, так называется тайная организация в Англии, целью которой является объединение всего человечества в братство.